

**ЕВРЕЙСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ РУССКИХ УГОЛОВНЫХ
АРГОТИЗМОВ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ТРУДНОСТИ ИХ
ИЗУЧЕНИЯ**

У статті аналізується специфіка сучасних філологічних досліджень з проблем здогадно давньо- та новоеврейської етимології російських кримінальних арготизмів, які розглядаються в синхронії та діахронії. Констатується необхідність збереження по можливості традиційної процедури їх етимологізації, з огляду на що пропонується використання допоміжного методу етимологічних досліджень, який автор визначає як метод перекладної ідентифікації. На основі запропонованого методу здійснюється аналіз єврейських етимологій російських кримінальних арготизмів із відомого тексту О. І. Солжениціна «Один день Івана Денисовича». За результатами проведеного дослідження наводяться підтверджені чи сфальсифіковані, на думку автора, етимології аналізованих лексем.

Ключові слова: етимологія, давньоєврейська мова, їдиш, російська мова, арготизми, метод перекладної ідентифікації.

В статье анализируется специфика современных филологических исследований, посвященных проблемам предположительно древне- и новоеврейской этимологии русских уголовных арготизмов, рассматриваемых в синхронии и диахронии. Констатируется необходимость сохранения по возможности традиционной процедуры их этимологизации, ввиду чего предлагается использование вспомогательного метода проведения этимологических исследований, определяемого автором как метод переводной идентификации. На основе

предложенного метода осуществляется анализ еврейских этимологий русских уголовных арготизмов из известного текста А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Как результат проведенного исследования приводятся подтвержденные или фальсифицированные, по мнению автора, этимологии анализируемых лексем.

Ключевые слова: *этимология, древнееврейский язык, идиш, русский язык, арготизм, метод переводной идентификации.*

*The article highlights peculiar traits of modern philological investigations touching upon problems of supposedly Hebrew or Yiddish etymologies of Russian criminal jargon lexemes which are viewed in synchrony and diachrony. Ascertained is a necessity of preserving the most possibly traditional etymologizing procedure which state of things might be achieved on the basis of an additional etymologizing method termed by the author as the identification-through-translation method. The method is applied practically to study the Hebrew and Yiddish etymologies of Russian criminal jargon lexemes occurring in the much famous text “**One Day in the Life of Ivan Denisovich**” by Alexander Solzhenitsyn. As a result of the research the author suggests his versions of confirmed or disproved etymologies of the analysed lexemes.*

Key words: *etymology, Hebrew, Yiddish, Russian, a jargon lexeme, the identification-through-translation method.*

Как известно, исследования в области этимологии во все времена сохраняют **актуальность**, поскольку именно такого рода исследования являются подчеркнуто самобытным синтезом как «человеческих пропорций» (С. С. Аверинцев) классически понимаемой филологии, так и свойственных последней тесных междисциплинарных связей, что, сообщая этимологии довольно высокую степень специфически гуманитарной «научности», вместе с тем делает данный раздел языкознания сравнительно малоуязвимым даже для самых радикальных инноваций со

стороны общелингвистической научной парадигмы. Этимология возникает прежде всего на основе сопоставления словоформ древних языков, а также анализа как можно большего количества письменных памятников, иллюстрирующих соответствующую семасиологическую трансформацию.¹ Однако даже такая подчеркнута консервативная дисциплина как этимология время от времени оказывается вынуждена несколько обновлять свой методологический арсенал, поскольку разработанные в рамках сравнительно-исторического языкознания методы и приемы этимологизации соответствующих лексических единиц лишь с весьма существенными оговорками применимы для работы с теми пластами языкового материала, которые за последние десятилетия стали привлекать все большее внимание лингвистов. Как явствует уже из названия настоящей статьи, **объектом исследования** являются те единицы русского языка, которые исторически известны под именем сначала «блатной музыки», а позднее «фени» – своеобразного «профессионального» аргота представителей, соответственно, уголовного мира Российской империи, а в дальнейшем СССР и сохранившихся русскоязычных ареалов на лингвистической карте постсоветского пространства. Чрезвычайная текучесть и вариативность лексики, принципиальная установка на закрытость и непонятность для непосвященного, необходимость хотя бы поверхностного знания таких экзотических языков как идиш, библейский иврит (причем в его ашкеназском, т. е. отличающемся от принятого в богословских семинариях «рейхлинова чтения», произношении), диалектов различных групп цыган и т. п. придают данной области исследований немалую степень сложности. В результате этого, несмотря на сравнительное обилие толковых и даже переводных словарей русского воровского аргота, лишь очень немногие ученые (из собственно этимологов нам известны лишь М. Дьячок и В. Шаповал) рискуют применять к столь зыбкому объекту исследования по

возможности традиционную и последовательную процедуру этимологизации (**предмет** исследования).

Само собой разумеется, что отсутствие работ, выполненных профессионально подготовленными лингвистами с опорой на определенную, изначально заданную и подкрепленную аргументами методологию, предоставляет полную свободу действий любителям, писания которых подчас не лишены известной доли здравого смысла, но совершенно не отягощены какими-либо доводами в пользу того или иного варианта этимологизации. При этом предлагаемые этимологии бывают убедительными главным образом в силу их самоочевидности. Таковы, например, наиболее часто встречающиеся примеры типа *хевра* (от идиш חברה [хэ'врэ] – 'компания (*друзей*); общество, фирма') – 'криминальная общность, банда'; *ксива* (от идиш כתיבה [кси'вэ] – 'нечто написанное; каллиграфический почерк; еврейский квадратный шрифт') – 'документ, «корочка»'; *блат* (от идиш בלאט [блат] – 'лист (*дерева*); лист (*бумаги*)', ср. нем. Blatt) – этимологическое значение 'записка от «авторитетного» человека с соответствующей просьбой или аттестацией' (факт существования подобных записок подтверждал в свое время автор известной книги очерков «**Каторга**»² В. Дорошевич, к чьим свидетельствам мы еще не раз обратимся), позднее, по-видимому, – 'уголовный мир и его традиции'; отсюда же *блатной*, *блатарь*, *блатовать* и т. п. Интересно отметить, что подобное словоупотребление, причем именно с пометкой «*аргоизм*», зафиксировал в своем идиш-английском словаре известный лингвист У. Вайнрайх: בלאט – illegal, underworldly; בלאט – illegally, under the counter³ (ср. русск. *по блату*). Еще одним сравнительно высокочастотным примером является *фраер* (от идиш פריי [фрай] – 'свободный, вольный', ср. нем. frei) – этимологическое значение 'тот, кто не сидит / не сидел в тюрьме', а отсюда 'мужчина (*особенно нарядно одетый*), не принадлежащий к блатному миру' и 'наивный человек, потенциальная жертва преступления' (ср. игру значений этого

слова в широко известном тексте братьев Вайнеров: « – Скажи-ка, Сапрыкин, как ты думаешь – Фокс в законе или он приклатненный? ... – Даже не знаю, как тебе сказать. По замашкам он вроде фраера, но он не фраер, это я точно знаю. Ему человека подколоть – как тебе высморкаться».⁴

Однако отсутствие специальной филологической подготовки нередко приводит и к прямо противоположным результатам, что, к сожалению, зачастую усугубляется еще и влиянием не собственно научных взглядов отдельно взятого автора. В частности, российский историк и публицист П. Корявцев утверждает, что «феня», в отличие от «воровского жаргона», с которым она «совершенно ошибочно отождествляется», есть якобы ничто иное как результат разрушения кагальной системы при сохранении «черты оседлости», вследствие чего евреи, проживавшие за пределами последней, автоматически оказывались вне закона, а потому были вынуждены зарабатывать на жизнь исключительно преступными средствами, попутно создавая особый «блатной» мир и его язык.⁵ При этом автор абсолютно не смущается тем обстоятельством, что в одном месте своей работы он называет этот мир «надэтническим явлением», а уже на следующей странице пишет о том, что «блатари», пользуясь традиционной поддержкой и взаимовыручкой, выработавшихся за столетия у представителей своего этноса (это какого? – А. З.), вытеснили обычную ... уголовную массу из целого ряда секторов криминального бизнеса».⁶ Едва ли возможно оспорить утверждение, что удельный вес слов «фени», для которых с высокой степенью вероятности напрашивается некая древне- или новоеврейская этимология действительно выше, чем количество соответствующих слов и выражений в жаргоне старой российской каторги. Но ведь возможно и куда более правдоподобное хотя бы с чисто функциональной точки зрения объяснение этого факта: количество заимствований из малоизвестных полиции и / или надзирателям языков было прямо пропорциональным

количеству усвоенных сотрудниками правоохранительных органов и / или зафиксированных в специальных словарях уголовных слов и выражений, причем последние нередко переходили в разряд безнадежно устаревших именно ввиду относительной прозрачности их этимологии. В этой связи небезынтересно отметить, что авторитетный востоковед и один из пионеров в области исследования уголовного аргю Е. Д. Поливанов в свое время выделял в лексической системе «блатной музыки» еще и обширный, второй по величине после «еврейско-немецкого», тюркско-татарский языковой пласт (отсюда, в частности, *кича* – 'тюрьма'), а для некоторых слов допускал даже английскую этимологию (например, *шкет* – от scout; *шопошник* – 'магазинный вор' от shop).⁷

Закономерным результатом подобной предвзятости при весьма слабом знании реалий, стоящих за исследуемыми лексемами, становятся и приводимые П. Корявцевым этимологии. В частности, как полагает автор, слово *бугор*, происходящее якобы от ивр. בוגר [богэ'р] – 'взрослый, достигший совершеннолетия', «ранее обозначало взрослого человека – лидера шайки уличной «шпаны», в настоящее время – «авторитет» в компании блатных или в камере».⁸ При этом, с одной стороны, отметим, что сводный перечень словарей русского воровского аргю с 1859 по 1927 гг. фиксирует единственную сходную словоформу, а именно *бугры* (Смирнов, 1899 г.) – 'Уральские горы' или 'горы' вообще. *Идти за бугры* или просто *за бугры* значит – 'в Сибирь'.⁹ С другой стороны, в нашумевшем в свое время произведении Л. Габышева «**Одлян, или Воздух свободы**» читаем: «В зоне было две власти: актив и воры. Актив – это помощники администрации. Во главе актива – рог зоны, или председатель совета воспитанников колонии. У рога – два заместителя: помрог зоны по четным отрядам и помрог зоны по нечетным. В каждом отряде были рог отряда и его помощник. Во всех отрядах было по четыре отделения, и главным в отделении был бугор. У бугра тоже был заместитель и звали его – помогальник. Вторая элита в колонии – воры.

Их было меньше. Один вор зоны и в каждом отряде по вору отряда. Редко – по два.¹⁰ Как видим из приведенного примера, указанное П. М. Корявцевым арготическое значение лексемы *бугор* попросту неверно: *бугор* – слово сравнительно новое; это ставленник администрации, чья власть, не говоря уже об «авторитете», в принципе не распространяется на когорту «блатных». В подтверждение этого приведем еще один пример из вышеуказанного источника: *«Вором четвертого отряда был Славик – высокий, стройный, красивый. Шел ему восемнадцатый год. Он чаще других воров становился в строй и ходил, как и все воры, в первой четверке. И неизменным спутником его была палка. Но пацанов он не бил, а если и опускал ее иногда, то лишь на спины оборзевших бугров»*.¹¹ При такой постановке вопроса этимология слова представляется вполне прозрачной и явно славянской, где по убывающей имеем: *рог – помрог – рог отряда – бугор – помогальник*; место во властной иерархии, за исключением последней позиции, эксплицируется метафорически при помощи слов, имеющих сходное семасиологическое наполнение – 'нечто, выступающее за пределы плоской поверхности'.

Противоположным полюсом подобной «любительской» этимологии можно назвать публикацию М. Узланера, всерьез полагающего, что *параша* – 'ведро или кадка в тюремной камере для отправления естественной нужды' происходит от ивр. פֶּרֶשׁ [пара'ш] – 'всадник'. Пожертвовав политкорректностью во имя наглядности, приведем предлагаемую автором «аргументацию» дословно: *«Видимо, сидящий на таком ведре напоминал ворам всадника и они переделали слово в ласковое женское имя»* (?! – А. З.).¹² Оставим в стороне вопрос о том, что слово פֶּרֶשׁ (с огласовками פֶּרֶשׁ [пара'ш]) в ашкеназском произношении звучало бы как [по'рош], а будь оно заимствовано идишем – даже как [по'рэш / пу'рэш], что уже само по себе делает предлагаемую этимологию куда менее правдоподобной. Вместо этого ограничимся констатацией, что явно родственное слово *парашиник* мы встречаем в «Толковом словаре живого

великорусского языка» В. И. Даля. По Далю, «*парашиник* (м. южн.) – золотарь, дермовщик, дермопрат, занимающийся очисткою нужных мест. *Парашиничать*, промышлять этим; *парашиничанье*, занятие это; *парашиничество*, промысел».¹³ Таким образом, вполне логично предположить, что словоформа *параша со значением 'выгребная яма, отхожее место', а возможно и 'испражнения, нечистоты', стала исходной для приводимых В. И. Далем лексических единиц, а в дальнейшем перешла из общенародного разговорного языка в уголовное арготизм, что сопровождалось сужением и специализацией значения (обратим особое внимание на пометку «*южнорусское*» и вспомним об исторической роли «Одессы-мамы» и «Ростова-папы» в становлении и развитии традиций «блатного» мира). При этом, как нам представляется, сохранялась и некая криптографическая переинтерпретация значения, поскольку слово *параша* как таковое В. И. Даль не фиксирует. На наш взгляд, оно могло быть малоупотребительным именно из-за нежелательной омонимии с сокращенно-ласкательной формой широко распространенного имени *Прасковья*, что, по-видимому, смущало обыкновенных носителей языка, в то время как уголовники, наоборот, подчеркивали это сходство (например, *Прасковья Федоровна* в том же значении).¹⁴ Впоследствии арготизм *параша* приобрел еще одно значение, легко выводимое из основного, – 'слух (обыкн. ложный)', а также стал частью устойчивых выражений *на параше отсидеться* – 'пробыть в тюрьме небольшой срок' и *парашу нюхать* – 'сидеть в тюрьме'.¹⁵

Впрочем, полемика по каждому отдельно взятому случаю этимологизации не входит в число непосредственных целей данной статьи. Вышесказанного, на наш взгляд, достаточно, чтобы сформулировать куда более важный вопрос: возможна ли некая относительно унифицированная методологическая процедура, при помощи которой можно было бы минимизировать хотя и свойственный этимологии как таковой, но очень уж либерально понимаемый применительно к анализируемому языковому

материалу принцип объяснения ad hoc? При всех необходимых оговорках, ответ на поставленный вопрос в целом представляется нам положительным.

Предлагаемый нами вспомогательный метод изучения иноязычной и в особенности древне- или новоеврейской этимологии русских уголовных арготизмов можно было бы условно назвать **методом переводной идентификации**. Суть последнего сводится к тому, что непрозрачная для носителя русского языка этимология некоего слова или выражения вполне может «проясняться» при переводе на язык, из которого соответствующее слово или выражение и были исторически заимствованы, причем в ходе подобного этимологического прояснения их материальная форма, скорее всего, будет изменена в соответствии с грамматическими, фонетическими и т. п. нормами соответствующего языка. Например, русское *лавэ'* – 'деньги' в обратном переводе на цыганский язык вероятнее всего даст *love'* с тем же значением,¹⁶ где фонетическая реализация цыганской графемы «o» как русского [a] вполне закономерна ввиду безударности слога, а регистрируемое изменение материальной формы слова служит сигналом его «распознавания» носителями цыганского языка. При этом, естественно, мы далеки от того, чтобы претендовать на некую принципиальную новизну предлагаемого метода исследования, равно как и на его самодостаточность, поскольку никакая этимология не может быть приведена без учета соответствующих фонетических законов, историко-культурного контекста и т. п. Однако, как явствует из вышеприведенных примеров, необходимость сколько-нибудь жесткого ограничения исследовательского произвола в данной области говорит сама за себя.

Проиллюстрируем сказанное с помощью еще одного примера, который не относится к категории собственно говоря арготизмов, но ввиду своего явно просторечного характера представляется нам приемлемым. В романе Б. Л. Пастернака «**Доктор Живаго**» читаем: *«Матрос, первым высвободившийся из снега и оказавшийся рыжим*

великаном с такой огромной головой, что лицо его казалось плоским, спокойно повернулся к толпе и тихим басом, с украинизмами ... сказал несколько слов, смешных своим совершенным спокойствием в необычайной ночной обстановке: – Звиняюсь, шо це за **гормидор** (здесь и далее выделено нами. – А. З.)? Як бы вы не занедужили на витру, громадяне. Ать с холоду до вагонив!».¹⁷ Перевод приведенного отрывка на какой бы то ни было язык невозможен без предварительной этимологизации слова «гормидор», поскольку в авторском написании оно не встречается ни в одном из известных нам словарей русского языка.

В переводе на английский язык извлеченный фрагмент текста принимает следующий вид: “*The first sailor to scramble out of the snow was a red-haired giant with a head so huge that it made his face look flat. He turned to the passengers and spoke in a deep, quiet, unhurried voice with a Ukrainian accent, his composure oddly out of keeping with the scene. ‘Beg pardon, what’s all this **thermidor** about? Mind you don’t catch a chill in this cold, citizens. It’s windy. Why not go back to your seats and keep warm?’*”¹⁸ При этом словоупотребление “*thermidor*” сопровождается примечанием: “*The reference is to the French Revolution; the word, in its Russianised form, is used by the ‘politically conscious’ sailor to mean ‘commotion’.*”¹⁹ Подобную этимологизацию следует признать откровенно неудачной. При конструировании последней переводчики, вероятнее всего, исходили из общей языковой характеристики персонажа: употребление гиперизма *fatim*, просторечной формы *извиняюсь* / «звиняюсь», распространенного в те годы лозунга *даешь* и т. п.²⁰ При этом какие-либо фонетические закономерности приведенного перехода (ср. якобы обнаруженную переводчицами “*Russianised form*”), сколько-нибудь удовлетворительно объясняющие трансформацию *термидо’р* > *горми’дор*, невозможны.

Вместо этого, в переводе соответствующего отрывка на идиш читаем: דער ערשטער וואָס איז אַרויסגעקראָכן פֿון שניי איז געווען אַ געלער מאַטראַס, אַ ריז מיט אַזאַ גרויסן קאָפּ, אַז דאָס פנים ביי אים האָט אויסגעזען פּלאַטשיק. ער האָט רויק זיך אויסגעדרייט צום

עולם און מיט ... באַס מיט ... אוקראַיִניזמען ... האָט ער געזאָגט עטלעכע ווערטער, וואָס האָבן געקלונגען קאָמיש צוליב זייער אַבסאָלוטער רויקייט אין אָט דער אומגעוויינטלעכער ביינאַכטיקער סיטואַציע: – זייט מוחל, וואָס איז עס פאַר אַ האַרמידער? כיבע איר ווילן זיך צוקילן, חברה. ²¹ Как видим, новая языковая среда моментально «реагирует» на авторское словоупотребление, предлагая вместо искаженного «гормидор» этимологически правдоподобное *האַרמידער* [harmi'dər] в искомом значении – 'шум и гам; суэта' и т. п.

Нам не удалось обнаружить перевод вышеупомянутого романа на украинский язык, однако следует отметить, что слово «гормидор» / правильное укр. *гармидер* встречаем и здесь со значениями: «1. Безладний галас, метушня. 2. Відсутність або порушення ладу; безладдя. 3. (перен., рідко) Майно».²² При этом этимология слова представляется исследователям неясной: «*гарми'дер*, [*гармидер*], [*гармидерник*] «той, хто робить гармидер», [*гармидерувати*] «робити гармидер»; – р. [*гарми'дар*], бр. *гармідар*, п. *harmider* (з укр.); – неясне; можливо походить від перс. *γarmīdan* «сваритися, сперечатися, сердитися, гніватися, ричати»; незадовільною з семантичного погляду є спроба ... зв'язати слово з турецьким виразом *harami deres* (назва відомого розбійницького кубла) з *harami* «розбійник», *dere* «ущелина, яр»; викликає сумнів і твердження ... про зв'язок з німецьким вигуком *hernieder* «сюди вниз».²³ По не вполне понятным причинам составители словаря умалчивают о наличии соответствующего слова в идише. При этом отметим, что русское *гармидар* явно архаично и кроме словаря В. И. Даля больше нигде не регистрируется, что, надо полагать, и подтолкнуло автора романа осмыслить данное слово как украинизм. Интересно отметить и то обстоятельство, что зарегистрированный в словаре географический ареал бытования слова точно совпадает с территорией активного функционирования идиша в славяноязычных странах (Украина, Беларусь, Польша, а исторически – до появления «черты оседлости» – и некоторые

регионы России). Не менее соблазнительно объяснить исходя из новоеврейской этимологии слова и в целом нетипичное для фонетического строя украинского языка колебание *гармидер* / *гармідер* при бр. *гармідар* и польск. *harmider*: в системе гласных языка идиш имеется звук, графически обозначаемый при помощи буквы ם – «йуд» и артикуляционно практически тождественный украинскому [и], т. е. «средний между русскими [и] и [ы]»,²⁴ хотя контекстуально или в зависимости от фонетического строя господствующего на соответствующей территории языка он может реализоваться и как русское / украинское [i]²⁵ (ср. вообще высокую степень фонетической «славянизированности» идиша в отличие от других германских языков).^{26, 27} В пользу же заимствования по схеме «украинский > идиш» свидетельствует лишь морфологическая продуктивность данного слова в украинском языке, которое в идише встречается лишь как имя существительное, что, впрочем, может легко объясняться давностью заимствования или его ускоренной языковой ассимиляцией, вызванной тесными контактами украинского и новоеврейского языков в повседневном бытовом общении. Кроме того, в значительной степени аналитический характер последнего из упомянутых языков и не требует подобного богатства словоформ (ср. крайне расплывчатую семантику глагола לִבְנֵי – основное значение 'делать', в том числе, вполне возможно, «*делать гармидер*» как в случае с "לִבְנֵי וְ טוֹב לַעֲשׂוֹת" – досл. «он **делает крик (о помощи)**»).²⁸ Во всяком случае, конечная цель проведенного микроисследования представляется нам если не окончательно достигнутой, то хотя бы значительно приблизившейся по сравнению с исходным положением вещей.

В виде еще одного эксперимента, призванного проиллюстрировать целесообразность практического применения предложенного метода, а также дающего возможность использовать полученные результаты для их последующей количественной обработки, нами был проведен сопоставительный анализ русских уголовных арготизмов и их

новоеврейских эквивалентов, извлеченных методом сплошной выборки из широко известной повести А. Солженицына «**Один день Ивана Денисовича**»²⁹ и перевода данного текста на язык идиш, выполненного З. Гостинским.³⁰ При этом были особо учтены такие характеристики наиболее распространенного варианта орфографии идиша как традиционное корневое написание слов древнееврейского происхождения (ср. выше פּרשׁ, но не פּאַרשׁ) и основанное главным образом на фонетическом принципе написание германизмов и заимствований из других языков. Исходя из вышесказанного, этимология некоего арготизма признается нами еврейской если: а) встречается его корневое написание, которое при огласовке созвучно с соответствующей русской лексемой; или б) слово оказывается зафиксировано в словарях идиша в сходном значении, что, впрочем, каждый раз сопровождается необходимыми комментариями.

По нашим подсчетам, общее количество встречающихся в тексте слов и выражений, которые могут рассматриваться как арготизмы (при этом однокоренные слова, представляющие различные части речи, трактовались как одна единица) составляет 29 позиций. В целях экономии места ниже мы подробно рассмотрим только те лексические единицы, в отношении еврейской этимологии которых нам удалось выявить веские аргументы «за» или «против».

БЛАТНОЙ – 'представитель уголовного мира'. Интересно отметить, что, во-первых, переводчик трактует русское субстантивированное прилагательное *блатные* как эквивалентное новоеврейскому несубстантивированному прилагательному того же корня, в результате чего последовательно встречаем די בלאַטע קברע – досл. «*блатная компания / банда*» (ср. приведенную выше этимологию лексемы *хевра*). Во-вторых, в противовес арготизму *блатные*, однокоренные жаргоноидные³¹ лексемы *блат* и *по блату* передаются описательно: «*На это большой ум у бригадира нужен. И блат с нормировщиками*»³² – צו די זאַכן מוז זײַן אַ בריגאַדיר

³³"... נאָרמיראַווישטשיקעס. מיט קאַפּ. ער מוז אויך האָבן יד-אחת מיט די גאָרמיראַווישטשיקעס...»³⁴ – «... *больных язвенных человек десять, да по благу бухгалтерия вся ...*»³⁴ – «... גאַנצע מענטשן וואָס האָבן געשווירן אויפן מאָגן און אַ ביסל יחסנים, למשל די גאַנצע ...»³⁵... בוכהאַלטעריע. Ввиду этого, логично предположить, что регистрируемое У. Вайнрайхом выражение *אויף בלאַט* – 'из-под полы, из-под прилавка (*under the counter*)' является, скорее, жаргоноидом и отображает реалии позднейшего времени.

ПАРАША – 'кадка для отправления естественной нужды'. Выше мы уже высказывали свою точку зрения относительно этимологии данной лексемы. Отметим лишь то обстоятельство, что последовательно используемое З. Гостинским написание *פאַרשאַשע* не оставляет никаких сомнений относительно славянского происхождения этого слова (ср. закономерную реализацию славянского окончания женского рода на -а как идиш *ע-*, которую наблюдаем как в случае с нарицательными существительными, – *каша* – *שאַשע*, *портянка (онуча)* – *אָנוצע*, – так и в случае с именами собственными: *Усть-Ижма* – *אוסט-איזשמע*).

СТУКАЧ / МУСОП – 'доносчик'. В тексте А. И. Солженицына мы обнаруживаем лишь слово *стукач*: « – *Нэ людэй, а стукачів! – Павло палец поднял, грозит Фетюкову. И правда, чего-то новое в лагере началось. Двух стукачей известных прям на вагонке зарезали, по подъему. ... И один стукач сам к начальству в БУР убежал...*».³⁶ Однако перевод З. Гостинского неожиданно подтверждает хотя и высказывавшуюся отдельными исследователями,³⁷ но казавшуюся маловероятной ввиду наличия русского *мусор* как в общелитературном, так и в современном арготическом значении – '(пренебр.) милиционер', гипотезу о происхождении данной лексемы от ивр. *מוסר* – 'доносчик'. При этом интересно отметить, что ивр. *מוסר*, ашкеназское произношение [мо'йсэр / мэ'йсэр], – 'предатель, доносчик', в отличие от *מוסר*, ашкеназское произношение [му'сор / му'сэр], на идиш [му'сэр], – 'мораль, этика' приводится лишь в специальном словаре гебраизмов Спивака –

Блумгардена, изданном в 1911 году в Нью-Йорке,³⁸ и в других словарях отсутствует. На наш взгляд, данное обстоятельство в равной степени объясняется как специальной установкой на «затемненность» значения слова, так и постепенным изменением его семасиологического наполнения в аспекте оппозиции «свой : чужой». Ввиду этого, логично предположить, что первоначальным значением анализируемой лексемы было 'предатель (из числа «своих）」', а в дальнейшем 'агент уголовного розыска',³⁹ т. е. прикидывающийся «своим», и, наконец, 'милиционер' как полностью «чужой» (ср. весьма характерный пример из уже упоминавшегося текста братьев Вайнеров, где подозреваемого в двойной игре Шарапова уголовники поочередно именуют как «мусором», так и «стукачом», что несколько непонятно для современного читателя: « – А есть у нас сомнение, что ты, мил человек, стукачок! – ласково сказал горбун и смигнул дважды красными веками. – Дурилка ты кардонный, кого обмануть хотел? Мы себе сразу прикинули, что должен быть ты мусором...».⁴⁰

УРКА / УРКАГАН – 'человек, (когда-либо) осужденный за уголовное преступление'. В анализируемом тексте русский арготизм *урка* принимает форму אורקע, тем самым не подтверждая гипотезу о еврейской этимологии данной лексемы⁴¹ (ср. анализ окончаний в случае с арготизмом *параша*, приведенный выше). Вместо этого небезынтересно отметить объединение в новоеврейской лексеме אורקע русских арготизмов *урка*⁴³ и *шпана*⁴⁴ (еврейская этимология последнего,⁴⁵ таким образом, также представляется сомнительной), которые в современном употреблении являются, скорее, антонимичными по признаку «зрелость и опытность : молодость и отсутствие серьезного уголовного опыта». Подобное словоупотребление можно объяснить как не особо глубокими знаниями переводчика касательно особенностей внутренней иерархии уголовного мира СССР, так и прибегая к ряду более тонких наблюдений и

сопоставлений, хотя в последнем случае наши суждения будут носить чисто гипотетический характер.

В уже упоминавшейся книге В. Дорошевича значение слова *урка* объясняется исходя из лексемы *урок*: «*Урки*», то есть заданные на день работы, были большие, и малейшее неисполнение «урка» влекло за собой немедленное наказание». ⁴⁶ На практике же «урки» в основном выполнялись не собственно уголовниками, а так называемой «шпанкой»: «*Нешто это арестанты! Так – «от сохи взят на время».* При этом последнее выражение сопровождается примечанием автора: «*так называются, собственно, невинно осужденные. Но это презрительное название каторга распространяет и на всю «шпанку».*» ⁴⁷ Ввиду этого можно предположить, что словоупотребление переводчика иллюстрирует сам процесс перехода этимологического значения лексем *урка* – 'выполняющий «урок», представитель «шпанки»' (ср. весьма незавидный социальный статус тех, кого Солженицын называет *шпаной*: «*Во Фрунзи асфальт варили в котле и шпана кругом сидела*») ⁴⁸ в современное, но уже широко распространенное в описываемые времена: «*Инвалид считается, потому что палец у него один оторван в драке, а мордой – урка. Урка он и есть, статья уголовная ...*» ⁴⁹

Примеры подобного словоупотребления встречаем и в украинском языке. В частности, в написанной между 1926 – 28 гг. повести И. Микитенко «*Уркаганы*» (укр. «*Вуркагани*») лексема, составляющая название книги и употребляющаяся для обозначения воспитанников детского дома, трактуется как в значительной степени синонимичная по отношению к слову *шпана*: «*– Ану, шпана (обращается детдомовец к товарищам – А. З.), осаді. Зараз ізробимо кзамент, і якщо вещь підходяща, то вона буде моя.*» ⁵⁰ Однако в романе Г. Тютюнника «*Водоворот*» (укр. «*Вир*», период написания – начало 60-х гг.) лексема *урка* (укр. *вурка*) употребляется уже для обозначения собственно уголовника: «*– Ще приріжуть уночі. Як не татари, то вурки. Вже нахвалялися. У двох*

ножаки, як на доброго кабана».⁵¹ Однако для прямого подтверждения вышесказанного необходимы, как нам представляется, более веские аргументы.

ШМОН – 'личный обыск; обыск в бараке'. Данная лексема является наиболее частотной; совокупное количество всех зарегистрированных случаев ее употребления (в том числе и глагольной формы *шмонять*) равно 29-ти. Широко распространенным является мнение,⁵² что *шмон* просиходит от ивр. שמונה, на идиш произносится как [шмо'йнэ], – 'восемь', поскольку именно в это время в тюрьмах Российской империи якобы производились некие действия розыскного характера. В переводном тексте З. Гостинского, в целом довольно грамотно воспроизводящем описанные у Солженицына реалии (среди грубых ошибок отметим лишь последовательную передачу лексемы *бушлат* как באשליק, т. е. 'башлык'),⁵³ а также стремящемся максимально полно передать стилистическое звучание оригинала за счет повышения частотности употребления славянизмов, в том числе и окказиональных (⁵⁴"טשעטעזעטקעס", ⁵⁵"רעביאטא", ⁵⁶"בור"), лексемы типа שמונה как эквивалентные русским *шмон*, *шмонять* и т. п. полностью отсутствуют. Переводчик стремится по возможности избегать употребления новоеврейских эквивалентов последних, передавая смысл оригинала описательно или при помощи лексем רעוויזיע – *шмон* как 'обыск в бараке' (ср. русск. *ревизия*); באטאפן \ דורכטאפן – *шмонять* как 'обыскивать (обхлопывая по одежде, ощупывая)'; מאנגלעווען как производное от מאנגל – 'нехватка, нужда', которое, в свою очередь, соотносится с דוק в том же значении, а также с דוק זיין – 'заставлять, подгонять (*exhort, press, urge*)'⁵⁷ (ср. русск. *нужда* и *понужать*); а также "פילצעוון" – *шмонять* в аспекте стилистической эквивалентности (в словарях не зарегистрировано, по-видимому новоеврейский диалектизм со значением 'выбивать пыль' – [пы'лцэвн], ср. зрительное сходство обхлопывания и выбивания пыли, а также наличие кавычек как указания на переносность значения). Ввиду распространенности вышеупомянутых лексических единиц в среде самых

различных категорий заключенных (ср. пример из украинского языка: «А сержант без мила / Поліз у рот, у афедрон. / Пильнує, стерво, щоб бацила / Антирежимності не звила / Гнізда крамоли. Шмон є шмон. / Сержант шмонає по порядку ...»),⁵⁸ нам представляется маловероятным, что в целом неплохо знакомый с советскими реалиями переводчик мог по каким-либо причинам не знать – и, главное, не стремиться узнать и обыграть при переводе – точное значение слов *шмон* и *шмонять*, а также их вероятную еврейскую этимологию, заимствуя при этом куда менее частотную лексему "בור" – БУР (в оригинальном тексте встречается 11 раз, у Гостинского поначалу вполне точно и доходчиво передается как ⁵⁹לֶאֱגֵר־תְּפִיסָה – '(внутри)лагерная тюрьма'), а также лишь единожды встречающиеся "טשעטעזעטקעס" – «ЧТЗ (из резины обутка, след автомобильный)» и "וּוֹצֵט טשט אָ רעביאַטאַ!" – «Вот что, ребята!» (обыгрывается отсутствие разницы в возрасте между говорящим и реципиентами, хотя семасиологическое наполнение русского *ребята*, на взгляд А. И. Солженицына, предполагает наличие таковой; в дальнейшем в аналогичном контексте используется нормативное חברים).

При конструировании этимологии русского арготизма *шмон* от ивр. שמונה главным дезориентирующим фактором является основанное на современном орфографическом стандарте (*шмон / шмонать*) представление о том, что данная лексема была впервые зарегистрирована именно как имя существительное, что, по нашим данным, не соответствует действительности. В диахронии наблюдаем следующее: «Производить обыск, сыск и розыск на каторжном языке называется «шмАнать» (здесь и далее заглавные буквы наши. – А. З.), и на обыкновенный язык это слово следует перевести словом: *пытать*. Творя самосуд, каторга добывается истины жестокими истязаниями»;⁶⁰ «С Достоевского ухрял / И по лавочкам шмАнал ... / На Английском у Покровки / Стоят бабы, две торговки, / И ругают напропад / Достоевских всех ребят ...»;⁶¹ «ШмАнать ... (Потапов, 1927 г.) Обыскивать, оцупывать, искать,

разыскивать»;⁶² «ШмОнка ... (Потапов, 1927 г.) Личный обыск».⁶³ Как видим, интересующая нас лексема впервые регистрируется именно как глагол, причем написание *шмАнать* с высокой степенью вероятности позволяет заключить, что отнюдь не лишённые элементарного «чувства языка» авторы «Каторги» и «Республики ШКИД» слова *шмОн* попросту не слышали (Ср. *стон* – *стонать*, *звон* – *звонить*, но не *стАнать*, *звАнить* и т. п.). Таким образом, логично предположить, что слово *шмон* было создано значительно позднее путем конверсии с учетом соответствующих норм русского языка (чередование гласных корня, регистрируемое на фонетическом уровне), причем, как явствует из приведенных примеров, первоначальное семасиологическое наполнение глагола *шманать* к этому времени максимально сузилось, превратившись, главным образом, в 'обыскивать (чаще всего путем ощупывания)'. Впоследствии слово *шмон* стало осознаваться как «проверочное» относительно своей первоначальной глагольной формы, превращая *шманать* в *шмонать*. При такой постановке вопроса этимология, апеллирующая к ивр. שמונה, представляется крайне малоубедительной.

Таким образом, вышесказанное дает основания констатировать, что использованный метод изучения этимологии русских уголовных арготизмов может служить в качестве эффективного дополнения к традиционной процедуре этимологизации, а также применяться для более объемных исследований в области еврейско-славянских языковых контактов. К изучению некоторых аспектов последних мы планируем обратиться в последующих публикациях.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Пизани В. Этимология. История – проблемы – метод / Пер. с итальянского Э. Д. Розенталя. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1956. – 188 с.

2. Дорошевич В. М. Каторга. Часть первая [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://az.lib.ru/d/doroshewich_w_m/text_0030.shtml
3. Weinreich U. Modern English-Yiddish Yiddish-English Dictionary – N. Y.: Schocken Books, 1977. – P. 98.
4. Братья Вайнеры. Эра милосердия: Роман. Карский рейд: Повесть. – М.: Сириус : Транспорт, 1993. – С. 114.
5. Корявцев П. М. Отдельные вопросы этимологии блатной фени [Электронный ресурс] – С-Пб, 2006. – Режим доступа: <http://antisys.narod.ru/bf.html>
6. Там же.
7. Поливанов Е. Д. Стук по блату [Электронный ресурс] // Поливанов Е. Д. За марксистское языкознание. – М.: Федерация, 1931. – С. 152 – 160. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/polivan/poliv7.htm>
8. См. ссылку 5.
9. Фартовый словникъ. Блатной жаргон: Словари воровского языка с 1859 г. по 1927 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.russki-mat.net/page.php?l=RuRu&a=%D0%91>
10. Габышев Л. Одяян, или Воздух свободы [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://lib.ru/PROZA/GABYSHEW/odlyan.txt_with-big-pictures.html
11. Там же.
12. Узланер М. Русская «феня», говорящая на идиш [Электронный ресурс] // Самиздат. – Режим доступа: <http://zhurnal.lib.ru/u/alloetokto/russkajafenjagoworjashajanaidish.shtml>
13. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. – Т. III. – М.: Русский язык, 1980. – С. 18.
14. См. ссылку 9.
15. Квеселевич Д. И. Русско-английский словарь ненормативной лексики. – М.: Астрель : АСТ, 2002. – С. 629.

16. Баранников А. П. Цыганские элементы в русском воровском аргю // *Язык и литература*. – Т. VII. – Л., 1931. – С. 139 – 158.
17. Пастернак Б. Л. *Собрание сочинений*: В 5-ти т. – Т. III. – Пастернак Б. Л. *Доктор Живаго: Роман*. – М.: Худож. лит., 1990. – С. 225 – 226.
18. Pasternak B. *Doctor Zhivago* / Translated from the Russian by Manya Harari and Max Hayward. – London: David Campbell Publishers, 1991. – P. 238.
19. Там же.
20. См. ссылку 17, с. 226.
21. פאסטערנאָק ב. דאָקטאָר זשיוואָגאָ: ראָמאַן \ איבערגעזעצט פֿון רוסיש כתב־יד: משה גראָסמאַן און בינע העלער. – ערשטער באַנד. – תל־אביב: מנורה, 1959. – ז. 288.
22. *Великий тлумачний словник сучасної української мови* / Уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел. – К.; Ірпінь: Перун, 2003. – С. 174.
23. *Етимологічний словник української мови*: В 7-ми т. / Ред. колегія: О. С. Мельничук, І. К. Білодід, В. Т. Коломієць, О. Б. Ткаченко. – Т. I. – К.: Наукова думка, 1982. – С. 475.
24. Сандлер С. *Самоучитель языка идиш*. – М.: Русский язык, 1989. – С. 15.
25. Каган Л. *Волынский диалект идиш и его использование в нашем крае // Доля єврейської духовної та матеріальної спадщини в ХХ столітті: Збірник наукових праць*. – К.: Інститут юдаїки, 2002. – С. 226 – 227.
26. Jacobs N. G. *Yiddish: A Linguistic Introduction* – N. Y.: Cambridge University Press, 2005. – P. 10 – 31.
27. Wayne H. *The Germanic Languages* – N. Y.: Cambridge University Press, 2007. – P. 49.

28. גרויסער ווערטערבוך פון דער יידישער שפראך / יודאָ אַ יאַפּע, יודל מאַרק. – ניו-יאָרק: קאָמיטעט פאַרן גרויסער ווערטערבוך פון דער יידישער שפראך, 1966. – ז. 832.
29. Солженицын А. И. Один день Ивана Денисовича: Повесть – Харьков: Интербук, 1990. – 103 с.
30. סאַלזשעניצין אַ. איין טאָג אין לעבן פון איוואָן דעניסאָוויטש \ איבערגעזעצט פון רוסיש: זלמן גאַסטינסקי. – תל-אביב: אור, 1970. – 164 ז.
31. Быков В. Жаргоноиды и жаргонизмы в речи русскоязычного населения («Новые» слова и значения в современном русском языке) // Русистика. – 1994. – № 1 – 2. – С. 85 – 95.
32. См. ссылку 29, с. 36.
33. См. ссылку 30, с. 56 – 57.
34. См. ссылку 29, с. 85 – 86.
35. См. ссылку 30, с. 135.
36. См. ссылку 29, с. 41.
37. См. ссылки 5 и 12.
38. אידיש ווערטערבוך ענטהאַלט אַלע העברעאישע (און כאלדעאישע) ווערטער, אויסדרוקען און אייגענעמען, וועלכע ווערען געברויכט אין דער אידישער שפראך \ חיים ספיוואק, ש. בלומגאַרטען. – ניו יאָרק: יהואש, 1911. – ז. 146.
39. См. ссылку 9.
40. См. ссылку 4, с. 286.
41. См. ссылку 5.
42. См. ссылку 30, сс. 84 и 151.
43. См. ссылку 29, с. 96.
44. Там же, с. 53.
45. См. ссылку 5.
46. См. ссылку 2.
47. Там же.
48. См. ссылку 29, с. 53.
49. Там же, с. 96.

- 50.Микитенко І. Вуркагани: Повесть [Електронний ресурс]. – Режим доступу:
<http://www.ukrlib.com.ua/books/printthebook.php?id=68&bookid=0>
- 51.Тютюнник Г. М. Вир: Роман. – К.: Радянський письменник, 1967. – С. 368.
- 52.См. ссилки 5 и 12.
- 53.Вайнблат Б. Идиш-русский словарь в интернете // Режим доступа:
<http://www.newswe.com/index.php> – С. 168.
- 54.См. ссилку 30, с. 15.
- 55.См. ссилку 30, с. 50.
- 56.См. ссилку 30, с. 31.
- 57.См. ссилку 3, с. 133.
- 58.Світличний І. О. Гратовані сонети // Світличний І. О. Серце для куль і для рим: Поезії. Поетичні переклади. Літературно-критичні статті – К.: Рад. письменник, 1990. – С. 23.
- 59.См. ссилку 30, с. 12.
- 60.См. ссилку 2.
- 61.Белых Г., Пантелеев А. Республика ШКИД [Электронный ресурс] – Режим доступа:
<http://lib.ru/RUSSLIT/PANTELEEW/respublikashkid.txt>
- 62.См. ссилку 9.
- 63.Там же.